

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-115-123

© Фу Хэн (КНР)

РЕПЕРТУАР ПЕРЕВОДОВ А. Д. КАНТЕМИРА

Переводы А. Д. Кантемира во многих аспектах заложили основы переводческой деятельности для России Нового времени. Он первым в России упомянул Никола Буало, причем перевел из него больше всех остальных переводчиков в XVIII веке,¹ первым в России перевел Вольтера. Также Кантемир сыграл важную роль в знакомстве русских читателей с Горацием и Анакреоном. Наряду с этим он сделал переводы тех сочинений, которые уже давно были известны на русской почве: Хроника Константина Манассии, «Энхиридион» Эпиктета. Обзор репертуара переводов Кантемира не только демонстрирует его личный литературный вкус, но и показывает общую тенденцию интеллектуальной жизни в России в начале XVIII века, поскольку выбор Кантемира не был свободен от культурного контекста этой эпохи. Мотивы, побудившие Кантемира заниматься переводами, до сих пор не изучены систематически и всесторонне. Х. Грасхоф в своей монографии «А. Д. Кантемир и Западная Европа»² рассматривает все переводы Кантемира, но вопрос о выборе произведений в его работе затронут лишь отчасти, поскольку исследователь не ставил себе такой задачи. В связи с появлением новейших материалов и развитием филологической науки, некоторые суждения Грасхофа требуют пересмотра, уточнения и корректирования. Эта статья посвящена вопросу о причинах выбора Кантемиром текстов для переводов. Вероятно, иногда он мог носить случайный характер, но наряду с выявлением определенных поводов для конкретных переводов мы стремимся обнаружить общие, инвариантные элементы среди отобранных им текстов.

В 1725 году Кантемир перевел с латыни «Синопис историческую» Константина Манассии, византийского историографа и поэта XII века. В 1729 году Кантемиром был предпринят перевод «Истории» Марка Юниана Юстина с латинского языка. Эта работа не была закончена в России, она была продолжена в Лондоне в 1735 году. В предисловиях к обоим сочинениям Кантемир сам признавался, что переводил их для того, чтобы практиковать латынь: «Сию книгу аз преведох, ово да тем ексерцицию возимею в латинском языке»;³ «Перевод Иустиновой истории я начал в самых молодых своих летех, когда обучался латинскому языку, узнав чрез искусу, что к скорому приобретению чужестраннаго языка лучшей способ есть перевод».⁴

Перевод исторического сочинения как вид упражнения при изучении латинского языка соответствует киевской традиции образования духовенства, которая в XVIII веке сложилась по образцу Киево-Могилянской академии, а затем варьировалась вследствие различных указов и реформ. До начала XIX века «Духовный регламент» 1721 года, составленный Феофаном Прокоповичем по поручению Петра I, служил основным руководством для образования духовенства, которым утверждены порядок обучения и его содержание.⁵

¹ Песков А. М. Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX века. М., 1989. С. 17.

² Grasshoff H. Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa. Ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur westeuropäischen Literatur und Kunst. Berlin, 1966.

³ Господина философа Константина Манассиса синопис историческая, зачало творящая от создания мира и ведущая историю даже до царствования Никифора Вотаниата. Предисловие к августейшей и державнейшей Ирине, невестке царя Мануила и с братом его господином Андроником. С латинского языка на славенороссиский диалект князем Антиохом Кантемиром переведенная в царствующем граде Ст. Петра. Лета господня 1725 // РНБ. Ф. 550. Q. IV. 25. Л. 2.

⁴ Иустинова повсемственная история из Трога Помпея сокращенно собранная. Переведена с латинского трудами князя Антиоха Кантемира. В Москве. 1729 // РНБ. Ф. 550. Q. IV. 382. Л. 2.

⁵ Кислова Е. И. Учебные пособия по латыни и их использование в русских семинариях XVIII в. // Учен. зап. Новгородского гос. ун-та имени Ярослава Мудрого. 2020. Вып. 30. № 5. С. 1.

«Духовный регламент» рекомендует перевести Юстина как упражнение в латинском языке.⁶ Имел ли возможность Кантемир познакомиться с «Духовным регламентом» или принять киевскую традицию? Согласно списку выпускников Славяно-греко-латинской академии, скорее всего, сразу после окончания учебы (1711).⁷ И. Ю. Ильинский работал у Д. К. Кантемира как секретарь молдавского господаря и учитель его сыновей.⁸ После ухода Ильинского (1725) Антиох Кантемир сохранил тесную связь со своим бывшим воспитателем. В 1718 году Кантемир сам провел некоторое время в Славяно-греко-латинской академии.⁹ С началом XVIII века, после краткого времени ректорства Палладия Роговского (1700–1703), ученика братьев Лихудов, обязанности преподавателей в Славяно-греко-латинской академии выполняли киевские ученые.¹⁰ Так что киевская традиция, вероятно, оказала влияние на обучение Кантемира латинскому языку.

Согласно наблюдению В. Я. Стоюнина, в примечании Кантемира к стиху «Приходит в безбожие, кто над книгой тает»¹¹ из Сатиры I есть отзвуки «Духовного регламента» (1, 9).¹² Помимо этого, бывший учитель Кантемира И.-Г. Фокеродт перевел на немецкий язык «Духовный регламент» в 1724 году.¹³ Со своим бывшим воспитанником Фокеродт долго поддерживал связь.¹⁴ Таким образом, Кантемир имел возможность познакомиться с «Духовным регламентом» либо самостоятельно, либо через своего бывшего учителя.

Если наше предположение о влиянии киевской традиции на Кантемира верно, то почему Кантемир решил перевести Хронику Константина Манассии, которая не упомянута в «Духовном регламенте»? В начале XVIII века в России были распространены и употреблялись для «домашнего пользования» рукописные учебно-справочные пособия. Например, одно из них («Краткое родословие от Адама до потопа и до Христа, также о царях египетских и о России, откуда князи начались и кто потом княжили и царствовали») было создано в 1725 году.¹⁵ В нем содержатся библейская история, сведения о светских царях и духовных правителях древности, данные о церковной истории и изложение русской истории.¹⁶ Сопоставляя основную структуру этого справочного пособия с Хроникой Константина Манассии, можно отметить, что первое во многом походит на последнюю. Этим и объясняется общий учебный интерес той поры ко всеобщей истории.

Во-вторых, выбор Кантемира, вероятно, связан с популярностью Хроники в аристократической среде. Хроника широко использовалась при составлении в начале XVI века Хронографа Русского как главный источник по истории Византии.¹⁷ Нико-

⁶ Полн. собр. законов Российской империи. СПб., 1830. Собр. 1-е. Т. 6. С. 333–334.

⁷ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. СПб., 1901. Т. 10. Стб. 1313.

⁸ Моисеева Г. Н. Ильинский Иван Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. С. 353. В словарной статье Моисеевой представлены две версии отчества Ильинского, но сейчас отчество установлено. В одном из писем 1732 года начальство дает ему задание, а письмо начинается с обращения, в котором стоит «Иван Юрьевич». См.: Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1886. Т. 2. С. 110; Лебедев А. Л. «Ярославец» Иван Ильинский — переводчик Академии наук // Ярославская старина. 1994. Вып. 1. С. 25–30.

⁹ Grasshoff H. Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa. S. 247.

¹⁰ Смирнов С. К. История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 78.

¹¹ Кантемир А. Д. Соч., письма и избр. переводы / Статья и прим. В. Я. Стоюнина; под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1867. Т. 1. С. 9. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы. Ранняя редакция: «В безбожие приходит, кто над книгой тает» (1, 190).

¹² Примечания ранней и поздней редакций Сатиры I к этому стиху не имеют принципиального различия. См.: 1, 26, 197.

¹³ Grasshoff H. Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa. S. 14.

¹⁴ Ibid. S. 10.

¹⁵ Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1. С. 216.

¹⁶ См.: Краткое родословие от Адама до потопа и до Христа, также о царях египетских и о России, откуда князи начались и кто потом княжили и царствовали // БАН. 33.12.10.

¹⁷ Салмина М. А. Хроника Константина Манассии // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 495.

новская летопись с рисунками представляет собой одно из учебных пособий для обучения царских детей в XVII — начале XVIII века.¹⁸ Хронограф 1512 года входит в состав основного источника этой летописи. Среди оставшихся после царевны Наталии Алексеевны печатных книг и рукописей встречается Хронограф Русский.¹⁹ Он имелся в библиотеке А. П. Волынского, Б.-Х. Миниха и В. Н. Татищева.²⁰

С 1726 по 1730 год Кантемир интенсивно занимался переводами франкоязычных сочинений: памфлет «Письмо, содержащее утешное критическое описание Парижа и французов, писанное от некоего сицилианца к своему приятелю» итальянского писателя Джованни Паоло Марана (1726), четыре сатиры и «Речь королю» Никола Буало (1727–1729), отрывок французской комедии²¹ (1728), франкоязычное издание трактата «Картина» Кебета Фиванского (1729), «Разговоры о множестве миров» французского философа-просветителя Бернара Фонтенеля (1730). Мы полагаем, что, вероятно, один из важнейших поводов для переводов этих сочинений заключается в практике французского языка; тут следует учесть, что в 1725–1726 годах Кантемир был занят переделкой французско-латинского словаря в славено-французский словарь.²²

Некоторые из выбранных Кантемиром текстов имели характеристики учебных. По нашим наблюдениям, оригиналом перевода «Письма» Мараны был сборник «*Élite des bons mots et des pensées choisies*»,²³ опубликованный в Амстердаме у издателя Депорта в 1704 году. Второй том, анонимный, как и первый, вышел в свет у того же самого издателя в 1706 году. В нем представлены многочисленные произведения, небольшой объем которых подходил для упражнения в языке.²⁴ Еще одним аргументом для его характеристики как учебного пособия служит то, что в «Присовокуплении втором» в «Письмовнике» Н. Г. Курганова встречаются материалы, совпадающие с текстом «*Élite des bons mots...*», хотя В. Д. Рак, исследовавший «Письмовник», не относит к его источникам данный сборник.²⁵

Текст «Картины» Кебета связан с учебником греческой грамматики, распространенным в это время. Перед уходом братьев Лихудов из Московской академии как основные учебники по греческой грамматике использовались «Греческая грамматика» Константина Ласкариса и составленные на ее основе собственные грамматические труды Лихудов (Малая и Пространная грамматики). В конце «Граматики» Ласкариса помещен текст «Картины» Кебета. В одном из экземпляров «Граматики» Ласкариса (РГАДА. Ст/ин 270), дошедшем до нас, после греческого текста «Картины» на вплетенных в книгу листах находится его русский перевод, который был выполнен Козьмой Ивиритом в декабре 1697 года.²⁶ Списки учебных курсов братьев Лихудов

¹⁸ *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 1. С. 75.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Луппов С. П.* Книга в России в послепетровское время. Л., 1976. С. 175, 198, 217.

²¹ На обороте майского листа календаря на 1728 год, принадлежащего Кантемиру, находится отрывок комедии, написанный его рукой. Согласно предположению П. Н. Беркова, фрагмент, вероятно, представляет собой перевод французской комедии «Курьер из Бордо» итальянского актера и драматурга Эвариста Герарди. См.: *Берков П. Н.* Из истории русско-французских культурных связей (Гастроли французского ярмарочного театра в Петербурге в 1728–1729 гг.) // Романо-германская филология: Сб. статей в честь акад. В. Ф. Шишмарева. Л., 1957. С. 57.

²² *Бабаева Е. Э.* Русско-французский словарь Антиоха Кантемира: описание, лексикографические источники // Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. М., 2004. Т. 1. С. XI–XII.

²³ См.: *Руднев Д. В., Хэн Фу.* «Перевод некоего итальянского письма» А. Д. Кантемира (1726): история текста и особенности языка // *Slovène*. 2019. Vol. 8. № 1. С. 227–229.

²⁴ *Wild F.* Naissance du genre des Ana (1574–1712). Paris, 2001. P. 462 (Études et essais sur la Renaissance; XXIX).

²⁵ *Рак В. Д.* «Присовокупление второе» в «Письмовнике» Н. Г. Курганова // XVIII век. Л., 1977. Сб. 12. С. 218, 223–224.

²⁶ *Рамазанова Д. Н.* Рукописная и печатная книга в учебной практике Славяно-греко-латинской академии в конце XVII века // «В России надо жить по книге». Начальное обучение чтению и письму: становление учебной книги в XVI–XIX вв. М., 2015. С. 44–45, 50–51.

еще распространялись в начале XVIII века. Согласно данным И. А. Вознесенской, в РНБ сохраняется один из списков Краткой грамматики, принадлежавший крупному медицинскому чиновнику Петербурга Панайотису Кондоиди. Он был племянником греческого священника Афанасия Кондоиди²⁷ и перед поступлением в Академическую гимназию получил домашнее образование у своего дяди. Вероятно, Афанасий Кондоиди использовал списки учебных курсов Лихудов и «Граматику» Ласкариса при преподавании греческого языка. Известно, что до 1721 года Афанасий Кондоиди обучал Антиоха Кантемира греческому, латинскому и итальянскому языкам, латинской и итальянской литературе. Согласно дневнику П. Д. Апостола, второго сына гетмана Д. Апостола, со второй половины 1725 года по начало 1727 года²⁸ Кантемир еще поддерживал связь со своим бывшим учителем.²⁹ Можно предположить, что одним из возможных способов знакомства Кантемира с текстом Кебета оказалось посредство пособия Ласкариса. Вместе с тем для упражнения во французском языке Кантемир выбрал франкоязычное издание текста Кебета. На этот процесс, скорее всего, оказал влияние Афанасий Кондоиди.

Еще одной из характеристик франкоязычных сочинений, переведенных Кантемиром в этот период, является диалогичность. Итальянский филолог Бенедетта Кравери в своей монографии «Культура беседы» показывает, что в истории французской аристократической культуры и французского общества XVII–XVIII веков искусство беседы становится существенным признаком *savoir vivre*.³⁰ В эту эпоху жанры «бесед» (*entretiens*), «речей» (*discours*), «писем» или «диалогов» оказываются весьма распространенными. Выбор переводов Кантемира перекликается с духом эпохи во Франции. Причем ориентация на беседу, диалог проявляется и в его собственном творчестве, особенно в сатирах.

Обратимся к отдельным переводам Кантемира с французского.

Кроме того, что «Письмо» Мараны удобно для упражнения в языке и имеет диалогическую структуру, мы наблюдаем в собственных сочинениях Кантемира переклички с содержанием «Письма». Адресант «Письма» Мараны излагает свое отношение к нужде, носящее стоическую окраску: «Нужды мои всегда те же суть: хлеб, постелья и платье. Не желаю я таких яств, которые едят богатые и деликатнейшие мене. Исходя из великих палат вельмож, не стыжуся входить в мою малую избушку. Платья золотая и серебряная не лутче облекут тело мое, неже и шерстяная одежда. Буде же я лишаяся чего либо, ищу оное в книгах Сенеки (и абие найду): „хочешь ли быть богат, и ничтоже желай“» (2, 360). Сходный смысл содержится в Сатире VI Кантемира: «Тот в сей жизни лишь блажен, кто малым доволен, <...> Малый свой дом, на своем построенный поле» (1, 138).

Кантемир, как правило, подчеркивает «пользу» и нравственность своих переводных сочинений в предисловиях. Мы предполагаем, что его мораль, вероятно, ориентируется на этику стоицизма. Взгляд адресанта на умеренный достаток и его благотворное занятие как раз соответствуют ориентации Кантемира на переводимый им текст. Кроме того, согласно наблюдениям С. И. Панова, распорядок дня Кантемира в Париже совпадает с изложением своей жизни адресантом «Письма». И в трактате Кантемира «Письма о природе и человеке» находят сходные ситуации.³¹

Решение выбрать сочинение Буало для перевода, скорее всего, связано с общим интересом Кантемира к его творчеству. В комментариях к стиху 54 сатиры IV (оконча-

²⁷ Вознесенская И. А. Рукописные учебники братьев Лихудов начала XVIII в. в петербургских хранилищах // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2008. Т. 59. С. 371.

²⁸ Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Киев, 1908. Т. 1. С. 7–8.

²⁹ Берков П. Н. Первые годы литературной деятельности Антиоха Кантемира (1726–1729) // Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961. С. 196–198.

³⁰ См.: Craveri B. *L'Âge de la conversation*. Paris, 2002. 680 p. Издание впервые появилось на итальянском языке: Craveri B. *La civiltà della conversazione*. Milan, 2001. Итальянский оригинал был нам недоступен, поэтому мы пользуемся его французским переводом.

³¹ Панов С. И. А. Д. Кантемир и «Анакреонта Тиейца песни»: у истоков русской анакреонтики // Антиох Кантемир и русская литература. М., 1999. С. 124, прим. 20.

тельная редакция) Кантемир дает Буало следующую оценку: «В подражании древних стихотворцев весьма удачлив. Сатиры и письма его, нашего стихотворца лучшая забава и предводители, соравняться могут тем, которыми древность хвастает» (1, 95).³² Кантемир следует образцу сатир Буало, чтобы создать собственные сатиры, это наглядно выявляется в его примечаниях к ранней редакции сатир.

Х. Грасхоф, опиравшийся на дневник П. Апостола, предполагал, что Апостол играл важную роль в процессе переключения интереса Кантемира с античных писателей на западноевропейских.³³ Летом 1725 года Апостол приехал из Москвы в Петербург, в дороге он читал для развлечения французские и итальянские книги. Среди них были три франкоязычные комедии «*Ésopé*», «*Les filles errantes*» и «*Les deux arlequins*». Все комедии входят в состав сборника Герарди «*Théâtre Italien*».³⁴ Выше указывалось, что П. Н. Берков соотносит отрывок комедии, созданный Кантемиром в 1728 году, с переводом комедии «*Курьер из Бордо*» Герарди. Что касается влияния Апостола на выбор «*Курьера из Бордо*» для перевода, то у нас есть сомнения. Апостол познакомился с Кантемиром уже в 1725 году,³⁵ почему же Кантемир начал переводить фрагмент комедии в мае 1728 года? Все прочитанные Апостолом комедии находятся в третьем томе шеститомного издания «*Théâtre Italien*» 1701 года, кроме того, «*Ésopé*» и «*Les deux arlequins*» — в четвертом томе восьмитомного лондонского издания 1714 года, а «*Les filles errantes*» — в третьем томе. Если Апостол оказал влияние на выбор Кантемиром предмета перевода, почему тексты были взяты не из прочитанных им комедий или томов? «*Курьер из Бордо*», на котором остановил свой выбор Кантемир, отсутствует в изданиях как 1701 года, так и 1714-го.³⁶ Таким образом, мы относимся к предположению Грасхофа с большой осторожностью. Как убедительно показывает З. И. Гершкович, имена действующих лиц, французское обозначение («*Acte I*»), правки — все демонстрирует, что сохранившийся отрывок комедии Кантемира представляет собой перевод какой-то французской комедии.³⁷ Однако текст отрывка представлен всего одной сценой одного акта, дополнительных сведений об источнике вне перевода у нас нет. В таком случае мы затрудняемся определить французский оригинал, использованный Кантемиром. Предположение Беркова, как нам кажется, еще требует уточнения.

Около 1726 года воспитатель царевича Алексея Петровича барон Генрих фон Гюйссен отправил письмо с биографией Дмитрия Кантемира в Берлин, в нем он упомянул о том, что Антиох Кантемир «в Петербургской академии завершает курс философии, теперь обращает внимание на алгебру и астрономию».³⁸ Если слова Гюйсена верны, то это значит, что около 1726 года Кантемир начал заниматься астрономией. В это время в Академическом университете астрономию преподавал французский ученый Жозеф Никола Делиль. Ж. Делиль приехал в Петербург в начале марта 1726 года. До нас дошел составленный Делилем список литературы, рекомендованной для подготовки астрономов и геодезистов. «*Entretiens sur la pluralité des mondes*» Фонтенеля входит в этот список. Кроме того, по подсчету Н. И. Невской, Кантемир прочел в Москве в 1728 году 18 книг, 13 из которых можно найти в списке Делиля.³⁹ 2 марта 1728 года состоялось собрание, на котором Делиль выступил с речами, в которых пропагандировалось гелиоцентрическое учение.⁴⁰ Хотя в этот день Кантемир

³² В первоначальной редакции: «Сатиры и письма его, если не превосходят всех тех, которыми древность хвастает, подлинно соравняться им могут» (1, 253).

³³ *Grasshoff H. Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa. S. 61–66.*

³⁴ *Ibid. S. 61.*

³⁵ *Ibid. S. 63.*

³⁶ *Берков П. Н. Из истории русско-французских культурных связей. С. 54. При рассмотрении отрывка Берковым пятый том «Théâtre Italien» 1701 года не был доступен исследователю.*

³⁷ *Кантемир А. Д. Собр. стихотворений / Вступ. статья Ф. Я. Приймы; подг. текста и прим. З. И. Гершковича. Л., 1956. С. 501 (Библиотека поэта. Большая сер.).*

³⁸ Цит. по: *Grasshoff H. Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa. S. 23.*

³⁹ *Невская Н. И. Петербургская астрономическая школа XVIII в. Л., 1984. С. 35.*

⁴⁰ Там же. С. 40. В. Босс указывает, что Кантемир отнесся к этим речам с сочувственным интересом. См.: *Boss V. Newton and Russia: The Early Influence, 1698–1796. Cambridge, Mass., 1972. P. 119.*

уже был в Москве, возможно, он познакомился с программой собрания. 26 февраля 1728 года Кантемир брал экземпляр «Entretiens sur la pluralité des mondes» у П. М. Голицына⁴¹ (2, 345). Таким образом, можно предположить, что Делиль, вероятно, оказал влияние на этот выбор Кантемира. Но нам кажется, что не следует преувеличивать роль влияния Делиля в выборе всех франкоязычных сочинений Кантемира за 1726–1730 годы, как это делает Н. И. Невская.⁴² В это время вокруг Кантемира много людей, знающих французский язык (например, Апостол, И. С. Горлицкий,⁴³ Х.-Ф. Гросс, Фокеродт) или являющихся носителями этого языка (например, аббат Жюбе).⁴⁴ Кроме того, в списке рекомендуемой литературы Делиля несколько сотен книг, поэтому большое число совпадений с кругом чтения Кантемира за 1728 год не удивительно. Если все сложилось так, то, как предположила Невская, почему Кантемир перевел Кебета, а не кого-либо из французских философов? Мы разделяем мнение Невской о том, что Кантемир перевел Фонтенеля, может быть, под влиянием Делиля, но не можем согласиться с тем, что Делиль оказал влияние на выбор всех франкоязычных сочинений.

2 марта 1732 года Кантемир прибыл в Лондон и до конца своей жизни не возвращался в Россию. Служебные занятия отнимали у него много времени, но на досуге Кантемир занимался литературным творчеством: оригинальным и переводным. По сравнению с русским периодом мотивация перевода изменилась. Основным отличием, с нашей точки зрения, является переход от упражнений в языке к заботе о своих читателях, особенно о тех, которые учились языкам в России. Поэтому список выбранных Кантемиром произведений более или менее перекликается со списком рекомендуемой литературы, используемой в учебной практике в России, особенно это касается античных авторов (Гораций, Корнелий Непот, Эпиктет). Что касается западноевропейских писателей, то Кантемир также стремился принести пользу своему читателю.

В 1736 году Кантемир перевел с греческого языка 55 стихотворений, в ту пору приписываемых Анакреонту. Как показывает Х. Грасхоф, этот выбор, может быть, связан с итальянским поэтом Паоло Антонио Ролли,⁴⁵ который был приглашен в Англию в 1715 году и преподавал итальянский язык и литературу королевской семье и другим знатым семьям.⁴⁶ Вместе с тем Ролли был учителем итальянского языка Кантемира. В 1736 году Кантемир уже познакомился с Ролли, которым в то время также был предпринят перевод анакреонтических песен на итальянский язык.⁴⁷

К 1742 году Кантемир закончил перевод с латинского языка двадцати двух посланий Горация. В предисловии к читателю Кантемир пишет: «Я предпринял перевод сей не только для тех, которые довольствуются просто читать на русском языке Письма Горациевы, по латински не умея; но и для тех, кои учатся латинскому языку и желают подлинник совершенно выразуметь» (1, 386). Как церковные,⁴⁸ так и светские школы⁴⁹ включают Горация в список рекомендуемых авторов. Конечно, Гораций не является единственным латинским поэтом в этих списках,⁵⁰ но для Кантемира

⁴¹ «У князя Petrum (sic!) Michaelidis Gallicinum» (2, 345). Мы проверили календарь Кантемира, там тоже «Petrum». См.: Дневник А. Д. Кантемира // БАН. Собр. тек. пост. № 403. В монографии Н. И. Невской указано «Д. М. Голицын». См.: *Невская Н. И.* Петербургская астрономическая школа XVIII в. С. 35.

⁴² Там же. С. 33–36.

⁴³ *Бабаева Е. Э.* Русско-французский словарь Антиоха Кантемира: описание, лексикографические источники. С. XIII, прим. 19.

⁴⁴ *Grasshoff H.* Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa. S. 66–69.

⁴⁵ *Ibid.* S. 119–120.

⁴⁶ *McGeary T. N.* Rolli Paolo Antonio // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford, 2004. Vol. 47. P. 626.

⁴⁷ *Grasshoff H.* Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa. S. 119–120.

⁴⁸ *Кислова Е. И.* Учебные пособия по латыни и их использование в русских семинариях XVIII в. С. 2.

⁴⁹ *Костина Т. В., Кирикова О. А.* Учебные книги в гимназии Академии наук 1730-х гг. // Детские чтения. 2018. Т. 13. № 1. С. 198.

⁵⁰ Вергилий встречается в «Каталоге тех книг, что испрашиваются для Гимназии в книжной лавке» от 7 сентября 1732 года и «Списке книг, обязательных для использования в Гимназии после объявления ее Регламента» от 1739 года (см.: Там же. С. 198, 208).

«между всеми древними латинскими стихотворцами <...> Гораций одержит первейшее место» (1, 385). Обильные нравоучения в «Посланиях» Горация соответствуют личному вкусу Кантемира. С его точки зрения, «почти всякая строка (Горация. — Ф. Х.) содержит какое-либо правило, полезное к учреждению жития».

В 1742–1743 годах Кантемир создал философский трактат, получивший в науке название «Письма о природе и человеке». Трактат состоит из одиннадцати писем, среди них главная часть представляет собой перевод сочинения Ф. Фенелона «Доказательство бытия Бога» и небольшой отрывок из «Мыслей, размышлений и моральных правил» графа Оксеншерны.⁵¹

Почему Кантемир ориентировался на Фенелона? Опираясь на опись библиотеки Кантемира, Х. Грасхоф рассмотрел книги, приобретенные после его отъезда в Париж и до сочинения «Писем о природе и человеке». Исследователь пришел к выводу, что все эти книги описывают моральный упадок и распад феодального общества. Это способствовало тому, что Кантемир искал спасения в природе и добродетельном образе жизни.⁵² У нас нет непосредственных сведений об отношении Кантемира к этим работам, поэтому трудно сказать, какое влияние на него они оказали. М. Эрар в своей статье выражает недоумение выбором Кантемира. Во-первых, Кантемир является поклонником Ж.-Б. Боссюэ, который был оппонентом Фенелона. Во-вторых, Эрар полагает, что в трактате Кантемира выявляется тенденция, направленная против «вольнодумства» и особенно против философии Эпикура и Лукреция. В этот период в Англии и во Франции имелось много работ, посвященных этой теме, а Фенелон не лучший выбор.⁵³ На основании мнений Грасхофа и Эрар мы можем заключить, что содержание сочинения Фенелона, наверное, не является единственным побудительным мотивом перевода Кантемира. Мы попытаемся разysкать причину создания этого перевода под другим углом зрения.

Одна из причин, как нам кажется, заключается в популярности Фенелона в это время во Франции и в России. При жизни Фенелона в 1712 году впервые было опубликовано «Доказательство существования Бога, извлеченное из познания природы». В 1718 году вышло в свет его дополненное издание, вторая часть которого являлась ранним наброском Фенелона на ту же тему. Оба издания были многократно перепечатаны. В книге А. Шерель мы находим указание на подражание труду Фенелона — «Настоящее применение созерцания Вселенной для убеждения атеистов и неверующих»⁵⁴ голландского философа, математика Б. Ньювента, а также сведения о том, что во влиятельном академическом журнале «Mémoires de Trévoux» 1719 года утверждалось, что «Бытие Бога...» было переведено на все европейские языки.⁵⁵ Это свидетельство важно для осмысления цели перевода Кантемира. Желая включить Россию в контекст интеллектуальной жизни Европы, он в самом начале предисловия к «Разговорам о множестве миров» подчеркивает, что «книжка сия, как скоро от господина Фонтенелла издана, почти на все языки переведена, и от разных народов с подобным наслаждением и жадностью читана, к не малой славе сочинителя».⁵⁶

М. Эрар считала, что красота языка искупает слабость содержания в сочинении Фенелона.⁵⁷ Мы полагаем, что Эрар недооценивала влияние этой стороны текста

⁵¹ Ehrhard M. *Lettres sur la nature et l'homme du prince Kantemir* // *Revue des études slaves*. Paris, 1957. Т. 34. P. 51–56; Grasshoff H. *Kantemir und Fenelon* // *Zeitschrift für Slawistik*. Berlin, 1958. Bd III. H. 2–4. S. 369–383.

⁵² Grasshoff H. *Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa*. S. 217–218.

⁵³ Ehrhard M. *Lettres sur la nature et l'homme du prince Kantemir*. P. 52–53.

⁵⁴ *Nieuwentyt B. Het regt gebruik der werelt beschouwingen, ter overtuiging van ongodisten en ongelovigen*. Amsterdam, 1720. По французскому переводу этой книги «Le véritable usage de la contemplation de l'univers pour la conviction des athées et des incrédules» мы переводим название книги Ньювента как «Настоящее применение созерцания Вселенной для убеждения атеистов и неверующих».

⁵⁵ Chérel A. *Fénelon au XVIIIe siècle en France: 1715–1820*. Paris, 1917. P. 258.

⁵⁶ Фонтенель Б. *Разговоры о множестве миров господина Фонтенелла, парижской Академии Наук секретаря / С французского перевел и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве 1730 году*. СПб., 1740 (без пагинации).

⁵⁷ Ehrhard M. *Lettres sur la nature et l'homme du prince Kantemir*. P. 52.

Фенелона на выбор Кантемира, для которого были важны оба аспекта. Вспомним, например, его слова в предисловии к переводу «Истории» Юстина: «Правду сказать, я не лучшего из латинских историков выбрал, но однакож Иустина ученые люди не презирают за его слог красивый, и для того, что в нем одном содержится то, что в других историках сыскать не можно».⁵⁸

В конце письма Кантемира к графу М. Л. Воронцову от 17 октября 1743 года помещен перевод стихотворения «О двух любвях» Вольтера («Les deux amours») вместе с французским оригиналом.⁵⁹ Кантемир в письме сообщал: «...для забавы вашей (Воронцова. — Ф. Х.) при сем прилагаю изрядных стишков перевод».⁶⁰ Основываясь на предыдущих исследованиях об отношениях между писателями, П. Р. Заборов утверждает, что, хотя Кантемир не имел дружеской связи с Вольтером, это не мешает обращению к его творчеству.⁶¹ Кантемира могла привлечь высказанная в этом стихотворении приверженность искренней и устойчивой любви.

В конце своей жизни (1744) Кантемир обратился к греческому философу Эпиктету и перевел его «Энхиридион». Вероятно, внимание переводчика привлекло стоическое содержание этой книги. Он сам писал в предисловии о пользе «от чтения сей книжицы к исправлению нравов».⁶²

До появления перевода Кантемира «Энхиридион» уже был известен на Руси. Можно полагать, что выбор Кантемира определился под влиянием его бывшего учителя — Ильинского, также переведившего эту книгу. Хотя в начале XVIII века византийские парафразы XI–XVI веков сменялись новолатинскими парафразами, профессиональный подход по-прежнему многое определял в восприятии античности. Несмотря на то, что выбор текста Кантемира не отходит от схоластической традиции, манера перевода отличается от предыдущих версий.⁶³ Древнеславянские списки стремятся извлечь те части «Энхиридиона», которые совпадают с православной доктриной.⁶⁴ Перевод Кантемира не христианизует оригинал. Стремлением дать такую версию более или менее и можно объяснить появление перевода Кантемира.

Несколько переводов этого периода не сохранилось или они пока не обнаружены: не найдены переводы текстов «Ньютонианство для дам» итальянского писателя Ф. Альгаротти, «Персидские письма» Ш. Монтескье и сочинение Корнелия Непота.⁶⁵

В. Босс полагает, что Кантемир обратился к работе Альгаротти вследствие интереса к ньютонианству, а трудом Вольтера об этом вопросе он не удовольствовался. По данным Босса, Кантемир перевел «Ньютонианство для дам» до публикации этой книги.⁶⁶ В письме от 10 июля 1738 года к маркизе Монконсель Кантемир утверждает, что стиль Альгаротти приближен к «Разговорам о множестве миров», автор очень хорошо работает с предметом, ясно излагает мысли.⁶⁷ И. З. Серман предполагает, что труд Альгаротти оказал влияние на позднюю редакцию V сатиры Кантемира.⁶⁸

⁵⁸ Иустинова повсемственная история из Трога Помпея сокращенно собранная. Переведена с латинского трудами князя Антиоха Кантемира. В Москве. 1729 // РНБ. Ф. 550. Q. IV. 382. Л. 2 об.

⁵⁹ Архив кн. Воронцова. М., 1870. Кн. 1. С. 371–372.

⁶⁰ Там же. С. 371.

⁶¹ Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX в. Л., 1978. С. 7–8.

⁶² Перевод Антиоха Кантемира Епиктетов Энхиридион. Перевод с греческого. Присовокуплена Таблица Кевикова. В Париже 1744 г. // РГБ. Ф. 756. № 25. Л. 1 об.

⁶³ Николаев С. И. Отзвуки *parodia christiana* в русской литературе XVIII века // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. М.; СПб., 2018. Вып. 8. С. 258–259.

⁶⁴ Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1991. С. 96–137.

⁶⁵ Байер Г.-З. История о жизни и делах князя Константина Кантемира, сочиненная С. Петербургской Академии наук покойным профессором Беером с российским переводом, и с приложением родословия князей Кантемиров. М., 1783. С. 357.

⁶⁶ Boss V. Newton and Russia: The Early Influence, 1698–1796. P. 124–125.

⁶⁷ Майков Л. Н. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903. С. 110.

⁶⁸ Серман И. З. Антиох Кантемир и Франческо Альгаротти // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 53–61. Укажем на допущенную И. З. Серманом неточность: «Как показал В. Босс, прибавлен-

В Париже Кантемир перевел «Персидские письма» Монтескье. Вокруг вопроса о возможном знакомстве Кантемира с Монтескье до сих пор идут споры. В содержательной статье М. П. Алексеева «Монтескье и Кантемир» была предпринята попытка ответить на этот вопрос. Проведя обзор предыдущих исследований, Алексеев склонялся к утверждению, что Монтескье принадлежал к парижскому окружению Кантемира. Вместе с тем Монтескье участвовал в издании французского перевода кантемировских сатир, сделанного аббатом Гуаско.⁶⁹ Е. Н. Васильева привела новые аргументы в пользу их знакомства.⁷⁰ Вероятно, их личные контакты побудили Кантемира перевести «Персидские письма».

Еще один перевод, выполненный Кантемиром во время проживания в Париже, это перевод из Корнелия Непота. Одна из причин выбора этого писателя, вероятно, заключается в стремлении принести пользу людям, обучающимся древним языкам, поскольку Корнелий Непот является одним из любимых авторов в учебной практике этого времени. Так, его имя постоянно присутствует в списке рекомендуемых авторов для Академической гимназии, несмотря на то что ее учебная программа подвергалась изменениям в течение первой половины XVIII века.⁷¹

Как многие его современники, Кантемир начинал переводческую деятельность с упражнения в языках. В первой трети XVIII века еще не сложился исчерпывающий список авторов, рекомендуемых для усвоения французского языка в церковных и светских училищах. Выбор Кантемира давал полезный в этом отношении опыт, откликался на дух французской культуры этой поры и демонстрировал всесторонние читательские интересы поэта. В зрелый период творчества культурно-просветительная направленность переводов Кантемира, снабженных насыщенными примечаниями, находит соответствие в изречении «Усладительное соединял полезному» (2, 384). Соединение художественного достоинства с нравственностью постепенно становилось главным принципом при выборе текстов для перевода. Собственные произведения Кантемира были тесно связаны с его переводными работами. В ранний период творчества он во многом следовал образцу античных и западноевропейских авторов (главным образом, Горация и Буало), затем он стремился создать более оригинальные сочинения, но их темы и формы в основном перекликались с его античными и западноевропейскими предшественниками. Наконец, мы должны подчеркнуть, что трудно с полной уверенностью ответить на вопрос, чем же привлекли Кантемира переведенные им произведения в каждом конкретном случае. На выбор могли повлиять многочисленные случайности, вызывающие неопределенность при поиске ответа, и, помимо представленных нами, возможны иные толкования.

ная Кантемиром строфа, которая содержит параллель двух, по его мнению, величайших открытий — Нового Света Колумбом и всемирного тяготения Ньютоном, представляет собой заимствование из Седьмого диалога книги Альгаротти „Il Newtonianismo per le Dame“» (Там же. С. 60). Здесь должен быть упомянут не седьмой диалог, а шестой. См.: *Boss V. La quatrième ode de Kantemir et «L'Italia liberata» de Giangeorgio Trissino // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1963. Vol. 4. № 1/2. P. 55.* Кроме того, книга Альгаротти состоит из шести диалогов.

⁶⁹ Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л., 1983. С. 140–146.

⁷⁰ Васильева Е. Н. Монтескье и Россия. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. С. 46–61.

⁷¹ Костина Т. В., Кирикова О. А. Учебные книги в гимназии Академии наук 1730-х гг. С. 197–209.